

ЗАМѢТКИ О ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ {*}.

{* См. "Гражданинъ" No 15-16.}

"Гражданинъ", No 18, 1873

Оригинал здесь -- http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/30aprN18.htm#_ftn5

IV.

Лѣтъ пятнадцать, или даже двѣнадцать назадъ, было очень хорошее время въ литературѣ, особенно если сравнить съ нынѣшнимъ. Въ сущности, конечно, литература страдала своими всегдашними язвами -- легкомысленнымъ западническимъ и оторванностію отъ русской жизни; за исключеніемъ художественной области это былъ такой же пустоцвѣтъ, какъ и нынѣшняя литература. Но оживленіе было необыкновенное. Публика тогда смотрѣла на литературу съ большимъ благоговѣніемъ, какъ на свою руководительницу и просвѣтительницу; даже правительственныя сферы были увлечены общимъ потокомъ и видѣли въ печати силу, съ которою нужно сообразоваться. Сама печать питала къ себѣ великое уваженіе и представляла такое единодушіе, которому трудно повѣрить въ настоящее время; казалось, что въ существенныхъ вопросахъ всѣ согласны и что никто не дастъ другаго въ обиду.

Но мало по малу это счастливое настроеніе разрушилось -- исторія печальная и которую стоило бы подробнѣе изслѣдовать, какъ и счастливый періодъ, ей предшествовавшій. Понемногу начались дѣйствія, которыя намъ кажется всего лучше назвать *литературными казнями*. Эти казни сначала были рѣдки и совершались сперва съ удивительнымъ единодушіемъ. Если какой нибудь писатель оказывался виновнымъ, то бывало вся литература набрасывалась на эту жертву; по всѣмъ журналамъ сыпались безчисленныя насмѣшки, и несчастному приходилось плохо. Такое времяпровожденіе очень понравилось, и нашлось до него много охотниковъ. Одна партія, имѣвшая сильный вѣсъ въ публикѣ, вспылала особенною яростію и образовала изъ себя нѣкотораго рода *комитетъ общественнаго спасенія*, дѣйствовавшій съ большою жестокостію и долгое время сохранявшій однакоже полнѣйшій авторитетъ. Литературныя имена одно за другимъ были уничтожаемы; каждая книжка журнала совершала нѣсколько казней и угрожала тѣмъ, кто еще не подвергся гибели. Память объ этихъ страшныхъ временахъ не исчезла и донынѣ; кто не помнитъ, напримѣръ, какъ былъ казненъ Тургеневъ?

Но какъ очень хорошій образчикъ тогдашняго состоянія литературы намъ приходится на память маленькій случай, бывшій не задолго до казни Тургенева. Случилось, что вдругъ подвергся опалѣ г. Писемскій. Первый звукъ грозы, направленной противъ такого извѣстнаго писателя, сейчасъ же обратилъ общее вниманіе; дѣло казалось важнымъ и неслыханно-дерзкимъ. Громъ выходилъ хотя не изъ центрального комитета, но изъ меньшаго журнала съ карикатурами, который могъ считаться отдѣломъ комитета. Въ этомъ журналѣ вдругъ заговорили о г. Писемскомъ такъ, какъ прежде никто не смѣлъ говорить; сказали, что онъ пишетъ *гнусную дичь*. Не знаемъ, разсердился-ли и испугался-ли г. Писемскій; но намъ достовѣрно извѣстно, что за него многіе разсердились. Достовѣрно извѣстно, что въ то время хотѣли составить *протестъ* за г. Писемскаго, какъ это было тогда въ обычаѣ, и стали уже собирать подписи для этого протеста. Протестъ -- это значило заявить всею массою, отъ лица *всей литературы*, что такой-то поступокъ считается низкимъ, неблагороднымъ, возбуждающимъ негодованіе. На этотъ разъ число протестующихъ и ихъ негодованіе не достигли однако-же нужной величины; протестъ не состоялся, и скоро это происшествіе было заглушено шумомъ новыхъ событій.

Вотъ каковы были литературныя нравы еще въ началѣ 1862 года; если сравнить ихъ съ теперешними, разница выйдетъ поразительная. Теперь никого не удивишь никакою бранью; нѣтъ ни единой и нераздѣльной публики, ни единой и нераздѣльной литературы, а слѣдовательно и литературныя казни стали невозможны. Между тѣмъ, представьте себѣ, что еще живутъ и пишутъ люди, которые нѣкогда занимались совершеніемъ этихъ казней, и которые не въ силахъ забыть счастливаго времени этихъ занятій. Какое для нихъ разочарованіе! По старой привычкѣ они до сихъ поръ пытаются казнить, но съ крайнимъ изумленіемъ видятъ, что ихъ никто не боится и никто не читаетъ. Они изъ всѣхъ силъ точатъ свою гильотину, называютъ своихъ противниковъ лунатиками, юродивыми, сумасшедшими, разсыпаютъ обвиненія въ подлости и продажности; но увы! гильотина не беретъ, и никто нейдетъ смотрѣть на страшное зрѣлище.

Что же за причина такой перемѣны? Причина весьма простая: новое сдѣлалось понемногу старымъ; необыкновенное обратилось въ ежедневное и привычное; то, что имѣло силу когда